

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕРЕНИЯ МИЛИТАРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Батаева Екатерина

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии
Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»,
ул. Лермонтовская, 27, Харьков, 61024, Украина,
bataevaekaterina72@yahoo.com, ORCID ID orcid.org/0000-0002-4628-4817

Артеменко Анна

аспирант кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» ул. Лермонтовская, 27, Харьков, 61024, Украина,
a.b.renkas@ukr.net

Bataeva Katherina

Doctor of Philosophy Science, Associate Professor, Professor of Department of Sociology, Kharkiv Humanitarian University «People's Ukrainian Academy» 27, Lermontovska str., Kharkiv, 61024,
bataevaekaterina72@yahoo.com, ORCID ID orcid.org/0000-0002-4628-4817

Anna Artemenko

Post-graduate student of Department of Sociology, Kharkiv Humanitarian University «People's Ukrainian Academy» 27, Lermontovska str., Kharkiv, 61024,
a.b.renkas@ukr.net

У статті представлено обґрунтування соціологічної методики вимірювання мілітарної ідентичності ветеранів збройних конфліктів. Виокремлено три типи мілітарної ідентичності – стійкий, ситуативний і несформований – які порівнюються за таких підстав: спрямованість ідентифікації, прихильність до мілітарного досвіду, сила зв'язку і сила відторгнення від армії, лояльність до мілітарної маскуліної культури, здійснення військових практик, сприйняття армії як сім'ї або як професійної організації, емоційна прив'язаність до армії, мотиваційне обґрунтування приходу в армію, екзистенційна оцінка служби в армії. Стійкий тип мілітарної ідентичності проявляється в прихильності ветерана мілітарному досвіду/культурі після повернення з армії. Ситуативний тип характеризується «змішаною» ідентифікацією ветерана як з армією, так і з різними цивільними групами; кожна з цих форм актуалізується залежно від контексту/ситуації. Несформований тип мілітарної ідентичності характеризується відсутністю (або слабкою формою) прихильності армійському досвіду, а також сильною ідентифікацією ветерана з різними цивільними групами. Розглянуто особливості таких психологічних методик вимірювання мілітарної ідентичності, як «Шкала мілітарної ідентичності» С. Ланкастера, С. Кінчле і С. Кастро та методика вимірювання чотирьох модифікацій мілітарної ідентичності (професійної, ідеалістичної, військової та індивідуалістичної) Р. Йохансена, Д. Лаберга і М. Мартінусена. Зроблено висновок, що в соціологічному дослідженні необхідно враховувати вплив на формування мілітарної ідентичності таких демографічних та соціальних чинників, як стать, час перебування в армії, рівень освіти, вік призову в армію, місце проживання, мотивація приходу в армію, сімейний стан, наявність/відсутність травматичного бойового досвіду.

Ключові слова: мілітарна ідентичність, військові практики, мілітарна культура, травматичний бойовий досвід, армія, ветеран.

В статье представлено обоснование социологической методики измерения военной идентичности ветеранов вооруженных конфликтов. Выделены три типа военной идентичности – устойчивый, ситуативный и несформированный – которые сравниваются по таким основаниям: направленность идентификации, приверженность военной культуре, осуществление военных практик, восприятие армии как семьи или как профессиональной организации, эмоциональная привязанность к армии, мотивационное обоснование прихода в армию, экзистенциальная оценка службы в армии. Устойчивый тип военной идентичности проявляется в приверженности ветерана военной культуре/культуре после возвращения из армии. Ситуативный тип характеризуется «смешанной» идентификацией ветерана как с армией, так и с различными гражданскими группами; каждая из этих форм актуализируется в зависимости от контекста/ситуации. Несформированный тип военной идентичности характеризуется отсутствием (или слабой формой) приверженности армейскому опыту, а также сильной идентификацией ветерана с различными гражданскими группами. Рассмотрены особенности таких психологических методик измерения военной идентичности, как «Шкала военной идентичности» С. Ланкастера, С. Кинчле и С. Кастро и методика измерения четырех модификаций военной идентичности (профессиональной, идеалистической, военной и индивидуалистической) Р. Йохансена, Д. Лаберга и М. Мартинусена. Сделан вывод, что в социологическом исследовании необходимо учитывать влияние на формирование военной идентичности таких демографических и социальных факторов, как пол, время пребывания в армии, уровень образования, возраст призыва в армию, место проживания, мотивация прихода в армию, семейный статус, наличие/отсутствие травматического боевого опыта.

ванний, которые сравниваются по следующим основаниям: направленность идентификации, приверженность военной опыту, сила связи и сила отторжения от армии, лояльность к военной маскулинной культуре, осуществление воинских практик, восприятие армии как семьи либо как профессиональной организации, эмоциональная привязанность к армии, мотивационное обоснование прихода в армию, экзистенциальная оценка службы в армии. Устойчивый тип военной идентичности проявляется в глубокой приверженности ветерана военной опыту/культуре после возвращения из армии. Ситуативный тип военной идентичности характеризуется «смешанной» формой идентификации как с армией, так и с различными гражданскими группами, причем каждая из этих форм может быть актуализирована в зависимости от контекста/ситуации. Несформированный тип военной идентичности характеризуется отсутствием или слабой формой приверженности армейскому опыту, а также сильной идентификацией ветерана с различными гражданскими группами. Рассмотрены особенности таких психологических методик измерения военной идентичности, как «Шкала военной идентичности» С. Ланкастера, С. Кинчле и С. Кастро и методика измерения четырех модификаций военной идентичности (профессиональной, идеалистической, воинской (Warriorism) и индивидуалистической) Р. Йохансена, Д. Лаберга и М. Мартинусена. Сделан вывод, что в социологическом исследовании необходимо учитывать влияние на формирование военной идентичности таких демографических и социальных факторов, как пол, время пребывания в армии, уровень образования, возраст призыва, место жительства, мотивация прихода в армию, семейное положение, наличие/отсутствие травматического боевого опыта.

Ключевые слова: военная идентичность, воинские практики, военная культура, травматический боевой опыт, армия, ветеран.

The paper presents backgrounding of sociological methodology for measuring the military identity of veterans. There are three types of military identity – stable, situational and unformed – which are compared on the following grounds: identification orientation, commitment to military experience, strength of connection with and rejection from the army, loyalty to military masculine culture, military practices execution, perception of the army as a family or as a professional organization, emotional attachment to the army, a motivational rationale for joining the army, an existential assessment of military service. The stable type of military identity manifests itself in veterans' commitment to military experience/culture after returning from the army. The situational type of military identity is characterized by "mixed" identification both with the army and with various civilian groups. The unformed type of veterans' military identity is characterized by a weak form of adherence to military experience and a strong identification with various civilian groups. The peculiarities of psychological methods of measuring military identity are considered, such as the "Warrior Identity Scale" by S. Lancaster, S. Kinchle and S. Castro, and the method of measuring four modifications of military identity (professional, idealistic, warriorism and individualistic) by R. Johansen, D. Laberg and M. Martinusen. It is concluded that in a sociological study, it is necessary to take into account the influence of demographic and social factors on formation of military identity, such as gender, time spent in the army, education level, age of conscription, place of residence, motivation to join the army, marital status and the presence/absence of traumatic combat experience.

Keywords: military identity, military practices, military culture, traumatic combat experience, army, veteran.

В связи с обострением международных вооруженных конфликтов в западной социологии и психологии особенно актуальным стало изучение проблемы формирования и трансформации военной идентичности, под которой понимают результат социальной идентификации актора с армией/военными группами вследствие интернализации ценностей и норм, принятых в армейском/военном поле [1]. В западной психологии разработаны методики измерения военной

идентичности, наиболее известными из которых являются «Шкала военной идентичности (Warrior Identity Scale)» С. Ланкастера, С. Кинчле и С. Кастро и методика измерения четырех модификаций военной идентичности (профессиональной, идеалистической, воинской (Warriorism) и индивидуалистической) Р. Йохансена, Д. Лаберга и М. Мартинусена, особенности которых будут рассмотрены ниже. Гораздо меньше внимания в современной науке уделяется разработке социологиче-

ских методик измерения военной идентичности, в которых бы учитывалось влияние социальных факторов на формирование и развитие этого феномена. В связи с этим возникает необходимость в создании такой методики, которую можно было бы применять в различных тематических контекстах, к примеру, в исследовании роли военной идентичности ветеранов в процессе социальной реадaptации, изучении гендерных различий в презентациях военной идентичности, анализе влияния разных модификаций военной идентичности на армейские практики и т.д.

Целью данной статьи является методическое обоснование социологического исследования феномена военной идентичности, выявление влияющих на нее социальных факторов, а также анализ ее различных.

Норвежские психологи Р. Йохансен, Д. Лаберг и М. Мартинусен предложили методику исследования четырех модификаций военной идентичности – идеалистической, профессиональной, воинской и индивидуалистической. Идеалистическая модель военной идентичности основывается на ценностях коллективизма, патриотизма, альтруизма, служения Отечеству [2, р. 864]. Основой профессиональной модели военной идентичности являются участие в международных военных операциях, совершенствование боевых навыков, укрепление командной сплоченности и воинского братства [3]. Содержанием воинской модели военной идентичности является принятие военных практик как образа и смысла жизни. И, наконец, индивидуалистическая модель военной идентичности предполагает приоритет личных интересов и восприятие армии как канала карьерной мобильности.

Для измерения четырех модификаций военной идентичности Р. Йохансен, Д. Лаберг и М. Мартинусен использовали методику, включающую 33 позиции, каждая из которых оценивалась с помощью шкалы Лайкерта по 7-балльной системе (1 – полностью не согласен, 7 – полностью согласен) (методика представлена в табл.1). Воинская модификация военной идентичности включает в себя позиции 12-13, 16-17, 20, 22-23 блока «Профессионализм» [2, р. 880], поэтому отдельно в таблице не представлена.

По мнению С. Ланкастера, С. Кинчле и С. Кастро, методику измерения военной идентичности Р. Йохансена, М. Мартинусена и Н. Квилвэна сложно применять за пределами Норвегии, поскольку она сориентирована на военную культуру именно этой страны [5]. По их мнению, методика многомерного измерения воинской идентичности (Warrior

Identity Scale) С. Ланкастера и Р. Харта [4], разработанная в 2016 г., является более универсальной и может быть использована в любом культурном контексте. Эта методика включает в себя следующие параметры: «познание идентичности» (например, «я потратил много времени, стараясь больше узнать об армии»), «вовлеченность идентичности» (например, «я испытываю сильную привязанность к армии»), «общественное отношение к военным» (к примеру, «общество относится к ветеранам как к ценному активу»), «личное отношение к военным» (например, «я горжусь достижениями армии»), «значимость военной службы» (к примеру, «в целом, быть ветераном – важная часть моего Я-образа»), «связи с военными» (например, «моя судьба и будущее связаны с ветеранами»), «восприятие армии как семьи» (например, «покинув армию, я потерял семью») [5, р. 37] (методика представлена в табл. 2). Кроме того, в методике С. Ланкастера и Р. Харта (к разработке которой позже подключились С. Кинчле и С. Кастро) была представлена позиция «поствоенная адаптация» (post-military adjustment), включающая две формулировки: «мне было трудно вернуться к мирной жизни» и «мне нужно время, чтобы понять, как жить после армии».

Каждый пункт оценивался по 5-балльной шкале (полностью не согласен – 1, полностью согласен – 5) [5, р. 38]. Используя эту многомерную методику, С. Ланкастер, С. Кинчле и С. Кастро в 2016 г. осуществили исследование в Чикаго, в ходе которого был проведен онлайн-опрос 1151 бывших американских военнослужащих (средний возраст респондентов составил 52 года; 43% (n=495) из них участвовали в боевых операциях). В результате проведения исследования было выявлено, что значимость всех позиций возрастает в зависимости от количества лет, проведенных в армии; восприятие армии как семьи положительно коррелирует с трудностями постармейской адаптации; социальная поддержка коррелирует с лучшей приспособляемостью [5, р. 40].

Как представляется, в зависимости от объекта исследования (действующие военнослужащие либо ветераны) методики измерения военной идентичности должны варьироваться, поскольку они будут нацелены на анализ ситуаций и событий, которые либо свершаются в настоящем, либо остались в прошлом. Методика Р. Йохансена, Д. Лаберга и М. Мартинусена (см. табл.1) нацелена на измерение идентичности действующего военнослужащего, тогда как методика С. Ланкастера, Р. Харта, С. Кинчле и С. Кастро (см. табл.2) в большей степени сориентирована на

Таблица 1

Методика измерения четырех модификаций военной идентичности
Р. Йохансена, Д. Лаберга и М. Маргинусена

Модификации военной идентичности	Признаки
1. Идеалистическая военная идентичность	1. Вооруженные силы, в первую очередь, следует использовать для защиты территории моей страны
	2. Мое участие в международных операциях зависит от того, связано ли это участие с интересами моей страны
	3. Неправильно участвовать в военных действиях, которые явно не пропагандируют ценности и интересы моей страны
	4. Неправильно участвовать в военных действиях в чужой стране
	5. Более важно защищать свою территорию, чем защищать интересы моей страны в международных операциях
	6. Я рассматриваю службу в Вооруженных Силах как призвание и возможность послужить моей стране
	7. Быть хорошим гражданином означает служить в вооруженных силах для защиты своей страны
	8. Я нахожусь в составе вооруженных сил, потому что хочу служить чему-то более важному, чем мои личные интересы
	9. Причины, по которым я участвую в военных операциях, имеют второстепенное значение
	10. Военная униформа усиливает мою национальную гордость
	11. Традиционные идеалы Служения, Державы устарели и остались в прошлом
2. Профессиональная военная идентичность	12. Целью моего пребывания в армии является получение опыта использования воинских навыков в сложных операциях
	13. Возможность участия в военных действиях является важной целью для меня
	14. Самопожертвование, мужество и общение на войне важнее, чем где-либо
	15. Я предпочитаю участвовать в операциях высокой боевой интенсивности, а не в операциях по поддержанию мира
	16. Одной из главных задач для меня является развитие воинских навыков
	17. Когда я попал в вооруженные силы, у меня было сильное желание участвовать в военных операциях
	18. Кодекс чести имеет первостепенное значение в вооруженных силах
	19. Правительство моей страны может вовлечь меня в любую миссию, если это не будет противоречить моим моральным убеждениям
	20. Важнейшей составляющей военной службы является подготовка и проведение боевых операций
	21. Я считаю, что важно контролировать агрессивность во время участия в боевых действиях
	22. Боевое товарищество является второстепенной причиной участия в военных операциях
	23. В вооруженных силах необходимо развивать культуру воина
3. Индивидуалистическая военная идентичность	24. Самореализация – очень важная причина моего служения в вооруженных силах
	25. Я служу в вооруженных силах ради возможностей, которые передо мной открываются
	26. Важным условием участия в международных операциях является высокая зарплата
	27. В вооруженных силах должны уважать мою гражданскую жизнь, например семейные или досуговые интересы
	28. Я воспринимаю службу в вооруженных силах как обычную работу
	29. В вооруженных силах долг имеет приоритет над правами
	30. Я рассматриваю армию как один из видов работы
	31. Для меня естественно рассматривать службу в армии как альтернативу гражданской работе
	32. Я готов покинуть вооруженные силы, если мне предложат гражданскую работу с лучшей зарплатой и рабочими условиями
	33. Хорошая зарплата является одной из самых важных причин участия в международных операциях за границей

изучение идентичности демобилизованных военных.

Представим обоснование социологической методики измерения военной идентичности ветеранов, в которой использованы некоторые позиции рассмотренных психологических методик.

Для выявления *направленности идентичности* военнослужащего или ветерана можно использовать следующий вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?» с вариантами ответов, в которых предусмотрена возможность «чистых» форм идентичности (Я – военнослужащий либо гражданское лицо) или «смешанной» формы («ощущаю себя военнослужащим и гражданским лицом одновременно»).

Силу связи с армией (или приверженность милитарному опыту) и *личное отноше-*

ние к ней можно измерить с помощью таких вопросов: «Я хотел/а бы вернуться в армию» (см. п.23 в табл.2) и «Я горжусь тем, что служил/а в армии» (модифицированный п.17 в табл.2), которые оцениваются по 5-балльной шкале – от «полностью не согласен» (1 балл) до «полностью согласен» (5 баллов). Сильная связь с армией может проявиться в желании ветерана установить *профессиональную преемственность* между армейским и гражданским контекстами: «Я хочу иметь такую работу, где я смог/ла бы применять воинские навыки (охранником, конвоиром, телохранителем, военкомом и т. п.)» (оценивается по 5-балльной шкале). Для измерения *силы отталкивания* от армейского прошлого целесообразно использовать противоположный показатель – чувство сожаления по поводу проведенных в армии лет:

Таблица 2

Шкала военной идентичности (Warrior Identity Scale) [5]

Категории	Признаки
1. Познание идентичности (Identity exploration)	1. Я потратил много времени, стараясь больше узнать об армии
	2. Я часто совершал действия, которые могли бы мне помочь лучше понять содержание военной службы
	3. Я часто говорил с другими людьми, чтобы больше узнать о военных (или ветеранах)
2. Вовлеченность (Identity commitment)	4. У меня есть сильное чувство принадлежности к армии
	5. Я знаю, что именно означает для меня военная служба
	6. Я испытываю сильную привязанность к армии
3. Общественное отношение к военным (Public regard for the military)	7. В целом, о ветеранах много думают
	8. В целом, другие люди уважают ветеранов и военнослужащих
	9. В целом, люди воспринимают ветеранов позитивно
	10. Общество относится к ветеранам как к ценному активу
4. Личное отношение к армии (Private regard for the military)	11. Я чувствую себя хорошо на военной службе
	12. Я считаю, что ветераны внесли значительный вклад в развитие нашей страны/мира
	13. Я считаю, что у меня появилось много сил благодаря моей военной службе
	14. Я часто сожалею, что служу в армии
	15. Те, кто служил в армии, сделали для общества меньше, чем остальные
	16. В целом, я чувствую, что ветераны не представляют большой ценности для общества
	17. Я горжусь достижениями армии
5. Значимость военной службы (Military centrality)	18. В целом, служение в армии очень мало связано с тем, как я себя ощущаю
	19. В целом, быть ветераном – важная часть моего Я-образа
	20. Служба в армии мало влияет на мое представление о том, кем я являюсь
	21. То, что я ветеран, сильно не сказывается на моих социальных отношениях
6. Восприятие армии как семьи (Military as family)	22. Я скучаю по моим боевым друзьям
	23. Я хотел бы вернуться в армию
	24. Покинув армию, я потерял семью
7. Связи с военными (Military connection)	25. Во время моего пребывания в армии я всегда чувствовал себя аутсайдером
	26. Я никогда не чувствовал себя эмоционально связанным с моей воинской частью
	27. Моя судьба и будущее связаны с ветеранами
	28. Во время моего пребывания в армии я не хотел соблюдать военные ритуалы и нормы

«Сожалею, что пришлось служить» (см. п.14 в табл.2) (оценивается также по 5-балльной шкале). Предложенные позиции («сила связи» и «сила отталкивания») не дублируют друг друга (с подключением знаков «плюс» или «минус»), поскольку в них идет речь о разных эмоциональных состояниях – гордости или сожаления. Если человек не гордится определенным фактом своей биографии, это еще не означает, что он сожалеет о нем. Сожаление эмоционально сильнее заряжено, нежели отсутствие гордости, и свидетельствует о желании человека «переписать» прошлое или отречься от него. Для измерения степени эмоциональной привязанности ветерана к военному прошлому целесообразно использовать показатель *биографической приоритетности службы в армии*: «Лучшее время в моей жизни – когда я служил в армии». Для уточнения информации можно использовать противоположную позицию, предложенную С. Ланкастером, С. Кинчле и С. Кастро, в которой фиксируется *отсутствие эмоциональной связи с армией*: «Я никогда не чувствовал/а себя эмоционально связанным/ой с моей воинской частью» (см. п.26 в табл.2) (оценивается по 5-балльной шкале).

Как показали исследования С. Ланкастера, С. Кинчле и С. Кастро, восприятие военнослужащим *армии как семьи*, а однополчан – как настоящих друзей, коррелирует с устойчивым типом военной идентичности. В данном контексте полезно использовать, во-первых, модифицированную формулировку показателя, предложенного С. Ланкастером, С. Кинчле и С. Кастро (см. п.24, табл.2): «Мои сослуживцы/однополчане – это моя семья» (оценивается по 5-балльной шкале (полностью не согласен – 1, полностью согласен – 5)), во-вторых, параметр восприятия взаимодействия и взаимопомощи в армии *как истинной дружбы*, которой нет аналогов в гражданском поле: «Я испытал/а настоящую дружбу в армии»; «У меня нет настоящих друзей вне армии» (оценивается по 5-балльной шкале) и, в-третьих, показатель *личностной связи с однополчанами*: «Перед принятием важного решения, с кем Вы, в первую очередь, посоветуетесь?» (с членами семьи; с однополчанами; с коллегами по работе; самостоятельно приму решение; другое).

Как полагает Г. Тэджфел, группы, с которыми человек себя идентифицирует, должны поддерживать его положительную Я-концепцию; в противном случае, если группа негативно оценивает вклад индивида в ее развитие, это может привести к его дистанцированию от группы или, в крайнем случае, к ее отвержению [6]. Соответственно, если военнослужащий пережил негативный опыт пребывания в вооруженных силах, если

его не ценили и не признавали, то это может стать серьезным барьером на пути формирования военной идентичности и привести к срыву процесса идентификации с армией. В качестве показателей признания индивида в армии можно использовать «ощущение им своей важности/полезности» и «наличие взаимоуважения между военнослужащими»: «В армии я ощущал/а, что выполняю важную работу», «В армии меня уважали сослуживцы/командиры», «В армии я уважал/а сослуживцев/командиров» (оценивается по 5-балльной шкале).

Можно предположить, что устойчивый тип военной идентичности может соотноситься со смысложизненными оценками армейской службы и с восприятием гражданской жизни как бессмысленной и пустой¹. Показателем смысложизненных ориентиров ветерана является вера в наличие глубокого смысла в службе в армии (либо участия в боевых операциях): «Когда я служил/а в армии, видел в этом важный смысл моей жизни». Экзистенциальную оценку жизни после демобилизации можно измерить посредством следующего утверждения: «После армии повседневная жизнь кажется мне пустой и бессмысленной» (оценивается по 5-балльной шкале).

Военную идентичность изучают с использованием деятельностного подхода, поскольку она формируется в ситуации осуществления таких специфических военных практик, как участие в военных операциях, ежедневные физические тренировки, развитие военных навыков (точность стрельбы, владение оружием и военной техникой). Можно предположить, что показателем устойчивого типа военной идентичности ветерана является склонность к осуществлению армейских практик и после демобилизации. Для измерения приверженности военным практикам можно использовать такой вопрос: «После возвращения из армии я продолжаю заниматься физическими тренировками; отрабатываю приемы самообороны; упражняюсь в стрельбе и владении холодным оружием». Поскольку важным элементом военной культуры является воинское братство [8], то в качестве показателя приверженности военной культуре можно использовать склонность ветерана поддерживать социальные контакты с бывшими сослуживцами². Для измерения этой склонно-

1 Экзистенциальные понятия пустоты и бессмысленности существования использовал голландский психолог Д. Гримелл в исследовании нарративных историй сержанта Йонаса методом кейс-стади [7, р. 838].

2 Как подчеркивают Г. Марингира, Д. Гибсон и А. Рихтер, боевое братство является устойчивым социальным состоянием, которое сохраняет свою силу

сти можно использовать следующие вопросы: «Я встречаюсь (общаюсь по телефону или посредством Интернета) с моими сослуживцами» (очень часто; часто; не очень часто; редко; не встречаюсь с ними). «Я являюсь членом: всеукраинского/регионального союза ветеранов; социальных Интернет-групп ветеранов; не состою в этих организациях». «Если Вы состоите в этих организациях, насколько часто принимаете участие в их деятельности: регулярно; иногда; крайне редко».

В блоке, посвященном военной культуре, необходимо также использовать параметр положительной оценки послушания/дисциплинированности, которые вырабатываются в армии, а после демобилизации могут вступить в противоречие с гражданскими ценностями свободы и независимости. Если ветеран положительно оценивает армейскую культуру послушания после ухода из армии, это может свидетельствовать об устойчивом типе военной идентичности, который имеет определенную инерцию и может сохраниться в гражданском поле. «Мне нравилось, что в армии все понятно и надо только выполнять приказы командиров». «После армии мне не хватало контроля со стороны командиров» (оценивается по 5-балльной шкале).

В числе внешних факторов, которые могут оказать значительное влияние на формирование устойчивого типа военной идентичности военнослужащего/ветерана, следует упомянуть пол, время пребывания в армии, уровень образования, возраст призыва, место жительства, мотивацию прихода в армию, семейное положение и наличие травматического боевого опыта. Можно сделать следующие предположения:

1. Поскольку армейская культура является маскулинной (ее основными ценностями являются сила, выносливость, сдержанность, самоконтроль, послушание, напористость/агрессивность), то военная идентичность мужчин-военнослужащих может быть более устойчивой, чем у женщин-военнослужащих.

2. Чем больше времени проводит индивид в армии (на войне), тем выше вероятность внутренней трансформации и глубокого усвоения военной культуры, что будет коррелировать с более устойчивым типом военной идентичности.

3. Чем выше уровень образования индивида, тем более объективно и критично он бу-

дет оценивать происходящее в армии (на войне), что может коррелировать с менее устойчивым типом военной идентичности.

4. Если актер был призван в армию в возрасте 18-22 лет, то высока вероятность его глубокой ресоциализации и усвоения военной культуры, что должно коррелировать с устойчивым типом военной идентичности и, наоборот, если актер был призван в армию в социально зрелом возрасте (от 23 лет и выше) с уже сформировавшейся идентичностью, то его восприятие армейской действительности будет более взвешенным, а усвоение норм армейской жизни – более избирательным, что может коррелировать с менее устойчивым типом военной идентичности.

5. Место жительства военнослужащего/ветерана может оказать влияние на его военную идентичность (к примеру, можно предположить, что жители Западной Украины и Донбасса могут более болезненно переживать опыт войны в силу либо идеологических убеждений, либо наличия родственных связей и особой привязанности к родным местам, пострадавшим от войны, что может сказаться на типе их военной идентичности).

6. Если актер попал в армию добровольно и сознательно, а основным мотивом выбора армейской жизни была идея защиты своей страны (а не, к примеру, стремление заработать деньги), то это может коррелировать с устойчивым типом военной идентичности. Для измерения добровольности/недобровольности прихода в армию и изучения основных мотивов мобилизации можно использовать следующие вопросы: «Вы попали в армию: добровольно; по призыву». «Если добровольно, назовите причину прихода в армию: хотел/а защищать родину; с детства мечтал/а стать военнослужащим/ей; хотел/а стать сильнее и мужественнее; хотел/а заработать денег; нечем было заняться; другое».

7. Семейное положение ветерана также может влиять на процесс трансформации из военной идентичности в гражданское поле и трансформацию военной идентичности. Можно предположить, что устойчивый тип военной идентичности в большей степени коррелирует с внебрачным статусом ветерана и, наоборот, семейный статус может побуждать ветерана активнее адаптироваться к гражданской жизни после возвращения из армии и, как следствие, быстрее модифицировать свою идентичность.

8. Наличие опыта «встречи со смертью» (смертью сослуживцев, противников или мирного населения)³, опыта убийства или

и в постармейский период (это может проявиться в создании ветеранами различных групп в социальных сетях, организаций ветеранов, которые поддерживают тесную связь друг с другом, помогают решать жизненные и профессиональные проблемы друг друга) [8, p. 37].

³ Этот опыт О. Даниленко назвала «экстремальным опытом» [10, с. 128], а И. Кононов – «травматическим опытом» [11, с. 143].

нанесения травм другим людям (противнику или мирному населению), а также опыта собственных ранений/травм может повлиять на формирование устойчивого типа военной идентичности военнослужащего/ветерана. Опыт «встречи со смертью» (или «экспозицию смерти») можно измерить, используя следующие вопросы: «Участвовали Вы в боевых сражениях?» (да, часто; да, редко; не участвовал/а); «Были ли Вы ранены?» (да, несколько раз; да, один раз; не был/а ранен/а); «Попадали ли Вы в ситуации, когда думали, что не выживете?» (да, часто; да, редко; не попадал/а); «Погибали ли Ваши друзья/сослуживцы?» (да; нет); «Видели ли Вы убитых/раненых среди гражданского населения?» (да; нет); «Видели ли Вы убитых/раненых среди противников?» (да; нет); «Приходилось ли Вам стрелять в людей?» (да; нет); «Приходилось ли Вам стрелять в боевую технику?» (да; нет).

Э. Кастано, В. Айзербат, Д. Бордженон и Э. Серон следующим образом объяснили наличие зависимости между устойчивостью военной идентичности и «экспозицией смерти». Благодаря идентификации с социальной группой человек может справиться с тревожностью, смягчить страх смерти и ощутить свою силу через осознание принадлежности к коллективному целому. Отождествление с группой помогает человеку отсрочить переживание собственной смерти и создать иллюзию социального бессмертия [9]. Поскольку во время проведения боевых операций чувство тревоги и страх смерти обостряются, стремление воссоединиться с группой товарищей и тем самым снизить внутреннюю напряженность становится особенно сильным, что влияет на формирование устойчивого типа военной идентичности военнослужащего [12, с. 77]. Аналогичные объяснения предлагает Ф. Фридмен, согласно которому участие в боевых операциях оказывает большое влияние на формирование устойчивого типа военной идентичности, поскольку длительное сосуществование с другими бойцами в ситуации смертельной опасности формирует сильную привязанность друг к другу, заботу, любовь, доверие и взаимозависимость, напоминающие родственные связи [13, р. 587]. Как показали результаты исследования О. Даниленко, «экстремальный опыт, связанный с потерей близкого друга во время службы в АТО, ...во многом повлиял на изменение его [респондента] системы релевантности и желание вернуться снова в зону АТО» [10, с. 128].

В методике измерения военной идентичности ветеранов необходимо выделять различные типы изучаемого феномена с целью

последующего выявления определенных закономерностей (к примеру, можно будет понять, как связана определенная модификация военной идентичности с процессом социальной реадaptации ветеранов; какая модификация в большей степени характерна для мужчин, а какая для женщин; какие социальные факторы влияют на формирование того или иного типа военной идентичности). Социологическая методика измерения военной идентичности, представленная в статье, позволяет выявить различные типы военной идентичности ветерана на основании одних и тех же критериев сравнения. Будем использовать следующие критерии: направленность идентификации, приверженность военному опыту, сила связи и сила отторжения от армии, лояльность к военной маскулинной культуре, осуществление воинских практик, восприятие армии как семьи либо как профессиональной организации, эмоциональная привязанность к армии, мотивационное обоснование прихода в армию, экзистенциальная оценка службы в армии. Будем различать три типа военной идентичности по степени/интенсивности ее выраженности – устойчивый, ситуативный и несформированный (см. табл. 3). Устойчивость военной идентичности ветерана проявляется в его глубокой приверженности военному опыту и военной культуре, что может длительно сохраняться после демобилизации из армии⁴. Ситуативный тип военной идентичности характеризуется «смешанной» формой идентификации как с армией, так и с различными гражданскими группами, причем каждая из этих форм может быть актуализирована в зависимости от контекста/ситуации. Несформированный тип военной идентичности характеризуется отсутствием или слабой формой приверженности армейскому опыту и воинскому прошлому, а также сильной идентификацией ветерана с различными гражданскими группами.

Каждый тип военной идентичности описан с помощью семнадцати показателей; если все эти показатели присутствуют одновременно, можно говорить о «чистом» или идеальном типе конкретной модификации военной идентичности ветерана. Но при наличии хотя бы двенадцати показателей (которые могут сочетаться с некоторыми показа-

4 Устойчивая военная идентичность соотносится с феноменом альтернативности (П. Бергер и Т. Лукман), радикального преобразования личности военнослужащего, условием которого становится, во-первых, сильная эмоциональная идентификация с армейским персоналом, а, во-вторых, демонтаж предшествующей структуры субъективной реальности индивида, которая сформировалась до призыва в армию [14, с. 20].

Таблица 3

Три модификации военной идентичности ветерана

Типы военной идентичности	Признаки
Устойчивый тип	<p>Идентификация с армией («Я – военнослужащий/ая») Приверженность военной службе (сильное желание вернуться в армию и продолжить службу) Позитивная оценка службы в армии (проявляется в ощущении гордости за то, что служил/а) Отсутствие сожаления по поводу проведенных в армии лет Желание иметь такую работу, где можно было бы применить воинские навыки (охранником, конвоиром, телохранителем, военным комиссаром и т. п.) Восприятие армии как семьи Признание высокой ценности боевой дружбы, которой нет в гражданской жизни Сильная эмоциональная связь с ветеранами, с которыми следует советоваться перед принятием важных решений Признание биографической приоритетности службы в армии («Лучшее время в моей жизни – когда я служил/а в армии») Сильное ощущение важности своей работы в армии Признание наличия взаимоуважения между военнослужащими во время службы в армии Признание глубокого смысла в службе в армии Восприятие жизни вне армии как бессмысленной Приверженность военным практикам после демобилизации (ежедневные физические тренировки, развитие воинских навыков) Активные действия по поддержанию контактов с бывшими сослуживцами Регулярное участие в деятельности всеукраинского/регионального союза ветеранов либо социальных Интернет-групп ветеранов Положительная оценка культуры послушания, контроля и дисциплинированности в армии</p>
Ситуативный тип	<p>Смешанная идентификация с армией и с гражданскими группами («Я – военнослужащий/ая и гражданское лицо») Средний уровень приверженности военной службе (слабое желание вернуться в армию и продолжить службу) Скорее позитивная оценка факта службы в армии (проявляется в частичном переживании гордости за то, что служил/а) Некоторые факты службы в армии могут вызывать сожаление Согласие работать как в гражданской сфере, так и в сфере, имеющей воинскую специфику (охранником, конвоиром, телохранителем, военкомом и т. п.) Отчасти армия воспринимается как семья Признание, что настоящие друзья могут быть как в армейской, так и в гражданской жизни Неглубокая эмоциональная связь с ветеранами, которые иногда могут выступать в роли советчиков наряду с родственниками или коллегами Признание важности биографического факта службы в армии (отчасти согласен/на, что «лучшее время в моей жизни – когда я служил/а в армии») Частичное ощущение важности своей работы в армии Частичное признание наличия взаимоуважения между военнослужащими во время службы в армии Частичное признание глубокого смысла в службе в армии Согласие с тем, что гражданская жизнь также может быть осмысленной Частичная приверженность военным практикам после демобилизации Средняя активность по поддержанию контактов с бывшими сослуживцами Нерегулярное участие в деятельности всеукраинского/регионального союза ветеранов либо социальных Интернет-групп ветеранов Средние оценки культуры послушания, контроля и дисциплинированности в армии</p>

Продовження табл. 3

Несформированный тип	<p>Гражданская идентификация («Я – гражданское лицо»)</p> <p>Незначительная приверженность военной службе (отсутствие желания вернуться в армию и продолжить службу)</p> <p>Негативная оценка службы в армии (проявляется в отсутствии ощущения гордости за то, что служил/а)</p> <p>Сильное сожаление по поводу службы в армии</p> <p>Отсутствие желания иметь работу, связанную с военной спецификой (охранником, конвоиром, телохранителем, военным комиссаром и т. п.)</p> <p>Армия не воспринимается как семья</p> <p>Отказ признавать, что истинная дружба существует только в армии</p> <p>Низкая эмоциональная связь с ветеранами, с которыми не следует советоваться перед принятием важных решений</p> <p>Отказ признавать биографическую важность службы в армии (полностью не согласен/на, что «лучшее время в моей жизни – служба в армии»)</p> <p>Отсутствие ощущения важности своей работы в армии</p> <p>Сомнения в наличии взаимоуважения между военнослужащими во время службы в армии</p> <p>Отказ признавать наличие глубокого смысла в службе в армии</p> <p>Согласие с тем, что гражданская жизнь обладает смыслом</p> <p>Отсутствие военных практик после демобилизации</p> <p>Отсутствие контактов с бывшими сослуживцами</p> <p>Отсутствие членства во всеукраинском/региональном союзе ветеранов либо в социальных Интернет-группах ветеранов</p> <p>Низкая оценка культуры послушания, контроля и дисциплинированности в армии</p>
----------------------	---

телями других модификаций) можно делать заключение о конкретном типе военной идентичности.

Таким образом, преимущество представленной нами социологической методики измерения военной идентичности заключается в том, что с ее помощью можно выявить различные типы военной идентичности ветерана на основании таких критериев, как направленность идентификации, приверженность военной службе, сила связи и сила отторжения от армии, лояльность к военной маскулинной культуре, осуществление воинских практик, восприятие армии как семьи либо как профессиональной организации, эмоциональная привязанность к армии, мотивационное обоснование прихода в армию, экзистенциальная оценка службы в армии. В отличие от представленной нами методики, в типологии Р. Йохансена, Д. Лаберга и М. Мартинусена для анализа каждой модификации военной идентичности (профессиональной, идеалистической, воинской и

индивидуалистической) были использованы разные характеристики, что делало практически невозможным их сопоставление по параметру интенсивности проявления военной идентичности. Кроме того, типология Р. Йохансена, Д. Лаберга и М. Мартинусена в большей степени применима для анализа идентичности действующих, а не демобилизованных военнослужащих.

С помощью представленной методики измерения военной идентичности ветерана можно исследовать различные модификации этого феномена (устойчивый, ситуативный и несформированный типы военной идентичности) и понять, какое влияние они оказывают на процесс социальной реадaptации ветеранов после демобилизации из армии. Кроме того, благодаря этой методике можно выяснить, как соотносятся между собой различные разновидности социальной идентичности одного и того же социального актора – гражданская, религиозная, этническая, гендерная, профессиональная, территориальная (региональная) идентичности и т. д.

Литература

1. Батаева Е., Атрєменко А. Концепт милитарної идентичности в современной социологии. Вісник ХНУ ім. В. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». 2018. Вип. 40. С. 29-35.
2. Johansen R. B., Laberg J. C. & Martinussen M. Measuring military identity: Scale development and psychometric evaluations. *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 2013. № 41. P.861–880. doi:10.2224/sbp.2013.41.5.861
3. Huntington S. P. *The soldier and the State*. London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1957.
4. Lancaster S. L., Hart R. P. Military identity and psychological functioning: A pilot study. *Military Behavioral Health*. 2015. № 3. P.83–87. doi:10.1080/21635781.2014.995254
5. Lancaster S., Kintzle S., Castro C. Validation of the Warrior Identity Scale in the Chicagoland Veterans Study. *Identity: International Journal of Theory and Research*. 2018. Vol. 18. № 1. P.34–43. doi.org/10.1080/15283488.2017.1410157
6. Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.
7. Grimell J. Making dialogue with an existential voice in transition from military to civilian life. *Theory & Psychology*, 2017. Vol. 27(6). P. 832–850.
8. Maringira G., Gibson D., Richters A. "It's in my blood": the military habitus of former Zimbabwean soldiers in exile in South Africa. *Armed Forces Sociology*. 2015. №41(1). P.23–42. doi.org/10.1177/0095327X14523001.
9. Castano E., Yzerbyt V., & Bourguignon D. We are one and I like it. The impact of entitativity on social identification. *European Journal of Social Psychology*, 2003. № 33, P.735–754.
10. Даниленко О. Інтерпретація ідей А. Шюца при дослідженні ситуації солдата, який повертається додому, в сучасній Україні. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*. 2018. №1. С.118-133.
11. Кононов И. Кризис и война как травматические события в биографиях жителей Донбасса. *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць*, 2015. Вип. 21. С.143-156.
12. Кастано Э., Лейднер Б., Славута П. Процессы социальной идентификации, групповая динамика и поведение комбатантов. *Международный журнал Красного Креста*. 2008. Т.90. № 870. С.69-87.
13. Friedman M. J. Posttraumatic Stress Disorder among Military Returnees from Afghanistan and Iraq. *American Journal of Psychiatry*. 2006. №163(4). P.586-593.
14. Батаева Е., Атрєменко А. Концептуалізація транзита милитарної идентичности в современной социологии. Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право». 2018. № 3. С.19-26.

EDUCATIONAL RISKS AS AN ACTUALIZATION FACTOR OF THE UKRAINIAN STUDENTSHIP'S PROFESSIONAL SELF-REALIZATION RISKS

Liudmyla Sokurianska

*Doctor of Science (Sociology), Full Professor, Head of the Department of Sociology
V. N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine,
e-mail: sokuryanska@karazin.ua; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4097-952X>*

Людмила Сокурянська

*доктор соціологічних наук, професор, завідувачка кафедри соціології Харківського національного
університету імені В. Н. Каразіна, майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна,
e-mail: sokuryanska@karazin.ua; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4097-952X>*

Aleksandra Deineko

*PhD of Sociology, Associate Professor, Department of Sociology V. N. Karazin Kharkiv National University, 4
Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine,
e-mail: snosocio@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3659-0861>*

Олександра Дейнеко

*кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Харківського національного університету
імені В. Н. Каразіна, майдан Свободи, 4, Харків, 61022, Україна,
e-mail: snosocio@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3659-0861>*

The article analyzes the factors of actualization and possible ways of minimizing / overcoming the national university graduates' risks of professional self-realization. Particular attention is paid to analyzing the role of educational risks in reproducing the Ukrainian students' risks of professional self-realization. Authors' definitions of concepts such as «risk», «educational risks», «risks of professional self-realization», «social subjectness of the person» are given. There are three levels of factors and manifestation the Ukrainian students' risks of professional self-realization (macro-, meso-, micro-). Based on the results of sociological research carried out by the Department of Sociology V. N. Karazin Kharkiv National University during 2000 – 2016, including those obtained through the use of methods of intellectual data analysis, the authors analyze three models of risk strategies (strategy of minimizing, strategy of transferring and a risk-avoidance strategy), the basis for the selection of which are socio-professional plans of Ukrainian students. The social-cultural portraits of students who have chosen one or another strategy to minimize the risks of professional self-fulfillment are depicted. It turns out that the complex capitalization of the agent (cultural, educational, professional, economic, social, identification) and his own subjectness are necessary components of successful coping with the risks of different levels. At the macro-social level, the authors analyze the phenomenon of the «situation of scissors,» which creates an institutional imbalance between the labor market in Ukraine and the system of higher education. There are two strategies for minimizing professional self-realization risks at the national level – paternalistic, which involves active state intervention in solving this problem, and a liberal one aimed at increasing academic freedoms of higher education, expanding their ability to respond promptly to the challenges of the contemporary labor market. The authors draw attention to the need of improving the state educational and economic policy taking into account the actual risks of professional self-actualization of graduates of the national higher education.

Keywords: risk, educational risks, risks of professional self-realization, students, social subjectness, risk-strategy, «situation of scissors», labor market.